

Глава первая

Агния

Отец метался из стороны в сторону, как разъяренный тигр в клетке. Время от времени останавливался, о чем-то думал, а потом жалобно смотрел на меня. Я сидела на подоконнике и молчала. За те несколько недель, что живу у него, я уже привыкла к этому мученическому выражению лица. Папа вечно чувствует свою вину. Извиняться по несколько раз в день — это в его репертуаре. Сначала я немного терялась: не привыкла, чтобы кто-то из моей семьи признавал свои ошибки, и уж тем более просил прощения. Потом смирилась. Теперь же меня это вечное отцовское «прости» начинало немного раздражать.

— Пап, все нормально, — сказала я, — правда. Я не в обиде.

Но отцу, как я уже успела убедиться, главное — говорить, а не слушать. Вот и сейчас он проигнорировал мою реплику и страдальчески продолжил:

— Агния, пойми! Никто не против того, чтобы ты еще немного пожила у нас. Ни я, ни Татьяна... Татьяна вообще так прониклась. Говорит, какая же славная девочка твоя Агния!

Я усмехнулась. Не внушала мне эта Татьяна, папина вторая жена, никакого доверия. Конечно, у меня и с отчимом были натянутые отношения, но он хотя бы никого из себя не строил, а был таким, какой есть: понятным — агрессивным, прямым и не особо любящим. Если мы с ним и конфликтовали, то в открытую. Татьяна же казалась фальшивой и неискренней. Часто

не к месту лебезила, пыталась угодить, хотя в ее глазах я видела холодный огонек и знала, что Татьяне не особо приятно присутствие в ее квартире взрослой дочери от первого брака мужа. Нет, она никогда не делала мне замечания и ни о чем не просила, но я постоянно жила с ощущением, будто что-то должна. Может, конечно, дело во мне. И судьба у меня такая — конфликтовать со вторыми половинками своих родителей.

— Да и Алик тебя полюбил, — добавил отец.

Тут уж мне захотелось расхохотаться в голос. Четырнадцатилетний Альберт — мой единокровный брат, совершенно точно не пылал ко мне любовью, только в отличие от своей матери не стеснялся мне это всячески демонстрировать. В первый же вечер заявил, что им в семье не нужен «лишний рот». А когда я ответила, что у меня есть сбережения и в мои планы не входит их объедать, лишь неприятно усмехнулся. Алик был мерзким, избалованным подростком, который не знал ни в чем отказа. Татьяна едва ли не с ложечки его до сих пор кормила, из кожи вон лезла, чтобы сыночек ни в чем не нуждался. Отец тоже всячески поощрял наглое поведение сына. Алик откровенно грубил родителям и наверняка прогуливал школу. Не верилось мне, что он был таким примерным учеником, как расписывала Татьяна. Но по ее словам, Алик — умница-благоразумница, получивший какой-то важный школьный грант, благодаря которому теперь имеет приоритет при поступлении в вуз, хотя и учится только в восьмом классе.

«Не придется тратиться на учебу, не отваливать, как другие родители, кругленькие суммы на беспечных и глупеньких детей», — с широкой улыбкой сказала тогда Татьяна.

Улыбка в тот момент у нее была неестественная, натянутая. И про «беспечных глупеньких детей» — это, скорее всего, камень в мой огород, ведь мне учебу на экономфаке престижного университета нашего города оплатил отчим.

Татьяна периодически колола меня исподтишка, прикрываясь благими намерениями. Например, говорила, что мне неплохо было бы немного поправиться, у меня слишком худые ноги, да и скулы некрасиво торчат. Вечно давала непрошенные советы, которые обычно начинались с фразы: «Ты, конечно,

очень красивая девочка, но...» И куча этих ненавистных «но». Как-то завела разговор, что для своего цвета волос я очень бледненькая. Мне бы отрастить немного волосы и покрасить их в теплый шоколадный оттенок — вот тогда бы было хорошо.

Поначалу меня эти советы обескураживали, и я преимущественно отмалчивалась. Но, поняв, для чего Татьяна все это говорит, стала отстаивать свои границы и сразу же прерывала ее глупые нотации. Татьяна натянута улыбалась... А после разговора по поводу новой прически я нарочно сходила в салон в тот же вечер и, укоротив любимое каре, сделала светлый оттенок волос еще холоднее. Татьяна, разумеется, заметив мой демонстративный поход к стилисту, только поджала губы. Обиженно молчала весь вечер, а на следующее утро как ни в чем не бывало снова нарочито приветливо сюсюкала.

Чаще всего мне было неудобно в этой квартире среди незнакомых людей. Отец тоже казался далеким и чужим — все-таки он уехал в Питер, когда я была совсем маленькой, и все эти годы мы практически не общались. А еще иногда мне казалось, что Татьяна не ограничивается одними словами, а плюет, например, в мой чай, пока я не вижу, или что-нибудь вроде этого. Такой человек точно способен на низкие, подлые поступки...

Наконец отец перестал метаться и остановился посреди комнаты.

— Я все-таки позвоню Сашке... Александру Филипповичу, — сказал он сам себе. На меня даже не смотрел. А потом кивнул и обратился уже ко мне: — Александр Филиппович! Ты же помнишь, Агния, я тебе о нем рассказывал? Бывший одноклассник. Фантастический врач. Он моего тестя с того света несколько лет назад вытащил...

— Звони кому хочешь, — буркнула я. Папина гиперактивность сводила с ума. Может, поэтому они с мамой и расстались? Мне даже стало немного жаль Татьяну и Алика. А впрочем, они достойны друг друга. Дурдом, а не семейка.

— Не обижайся, — снова завелся папа, — знаю, ты не так представляла себе свой переезд. Но Александр Филиппович обязательно нам поможет. Мы в апреле в Турции вместе отдохнули, и был у нас один интересный разговор...

Я пожала плечами и уставилась в окно. Отец взял трубку и направился в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь. Но я все равно слышала его громкий голос. Отец кричал так, будто этому неведомому мне Александру Филипповичу было сто лет в обед и он жаловался на слух. Хотя на том конце провода был папин бывший одноклассник — вполне себе нестарый мужчина. Это просто у папы привычка такая — орать в трубку.

— Сашка? Привет! Привет, дорогой мой! Не слишком поздно звоню? Это Даниил, узнал? Да, да-да, давно не виделись...

Над серыми высотками плыли закатные облака. Весь май в городе лили дожди и дул холодный ветер с Финского, а теперь погода неожиданно стала совсем летней. Косые вечерние лучи приятно слепили... И все-таки папа прав: не таким я представляла свой переезд в Петербург. За окном — типичный спальник с зеленым двором и припыленными тополями. Окна большой комнаты, в которую меня определили, выходили на проспект, и по ночам я слышала, как гремит последний трамвай. Но это лучше, чем спальня отца и Татьяны или комната Алика с окнами во двор. Как только стало тепло, на лавках прописались местные алкаши, устраивающие по ночам разборки. Алик постоянно на них жаловался, а я злорадствовала.

Комната, в которой я жила, мне не особо нравилась: с бежевым ковром под ногами, белыми безжизненными стенами и одинокой плазмой. Спала я на неудобном кожаном диване, который почему-то напоминал мне офисный. Вообще атмосфера здесь была отнюдь не домашней и уютной. Будто меня поселили в холл рядом со стойкой ресепшена. Дом моей мамы был обставлен куда с большим вкусом. Даже не думала, что, сбегав, буду с тоской вспоминать свою комнату... Здесь мне хотелось украсить стены картинами или хотя бы постерами, чтобы добавить немного уюта.

Единственное, что нравилось в этой обстановке, — люстра: большая, хрустальная и, кажется, антикварная. Татьяна как-то заикнулась о том, что люстра когда-то принадлежала ее бабушке, которая была балериной и танцевала в Мариинке. Вещи с историей внушали трепет. Эта люстра красиво переливалась

по утрам — маленькие радуги плясали по «больничным» белым стенам. В ясную погоду меня будили солнечные зайчики, от которых я, едва открыв глаза, счастливо жмурилась. И таким утром мне казалось, что день обязательно будет радостным.

Сейчас эта люстра не выглядела нарядной, как на рассвете, — она просто тускло светила желтыми лампочками. Конечно, такие вещи довольно странно смотрятся в типичной обстановке...

Отец продолжал телефонный разговор:

— Да-да, Агния. Моя дочь. Ты помнишь, как она каталась на коньках? С ума сойти! Нет, Агния давно ушла из спорта. Травма...

Я поморщилась, словно от горького лекарства, и прижалась лбом к холодному стеклу. Воспоминание об аварии, которая произошла со мной в детстве и лишила навсегда спортивной мечты, будет преследовать меня всю жизнь. Острой занозой жить в сердце и время от времени неприятно саднить.

— Ага. Приехала ко мне пару недель назад. Да, остановилась пока у нас. Переводится с экономического в Академию художеств. Да. Да. Представляешь? Талантливый человек талантлив во всем.

Эту фразу отец произнес с нескрываемой гордостью, а ведь до недавнего времени понятия не имел, что я пишу картины. И в детстве не особо интересовался моими спортивными достижениями. С тех пор как родители развелись, мы с отцом мало общались.

Папа рассмеялся:

— Думаешь, от меня?

Любовь к живописи мне привила мамина подруга и, пожалуй, мой самый близкий человек — Надя. А единственное, что я могла унаследовать от отца, — это безразличие.

— Саша, а ты помнишь наш разговор в Турции? Ну по поводу квартиры... Твоя дочь так и не нашла соседку? Да, Агния в этом плане — идеальная девочка. Очень чистолюбивая, аккуратная...

Отец начал говорить фразами Татьяны, которые раздражали меня до зубовного скрежета.

— Что ты, деньги вообще не проблема. Да. Точно! — Отец снова громко рассмеялся.

Над крышами многоэтажек показалась выпуклая луна. Через приоткрытую форточку донесся звон трамвая.

— Почему больше не может жить у нас? — переспросил отец. А затем понизил голос. Только так, что я могла слышать каждое слово. От этого хотелось удариться лбом об оконное стекло. — Мы с Татьяной решили, что Агния уже взрослая, самостоятельная девушка. Ну что она с нами живет? Стар да млад. Скучно ей, наверное, до смерти.

Отец снова рассмеялся, только уже не так естественно, как в первый раз. «Мы с Татьяной решили». Что-то мне подсказывало, что в этом доме решает одна Татьяна.

— Да-да, ты прав. А как быстро растут! Моргнуть не успеем, уже и Алик покинет отчий дом...

Я решила, что с такой материнской привязанностью Алик покинет отчий дом не очень скоро. Татьяна его опекала, будто он был грудным несамостоятельным ребенком, а Алик уже пользовался бритвой, и голос у него ломался.

— Значит, договорились? — спросил отец уже в полный голос. — Спасибо, Сашка, ты настоящий друг. Конечно! — И снова натянутый хрипловатый смех. — Скинешь адрес эс-эмэской? Спасибо, дорогой! Спасибо! Да, и тебе! Жене горячий привет! Всех обнимаю!

Отец прощался с беднягой Александром Филипповичем целую вечность. Когда снова зашел в комнату, я по-прежнему сидела на подоконнике, обхватив колени руками. В сторону папы не смотрела.

— Прости, Агния, — снова виновато начал отец, — но так будет лучше для всех нас. Ну чего тебе с двумя стариками жить?..

От нытья отца мне самой хотелось поскорее съехать хоть на край света. Зря я вообще остановилась у него. Наивная дура! Думала, мы сможем наладить отношения, но за все время, что я прожила здесь, мы даже толком ни разу не поговорили.

— У меня есть адрес Сашкиной дочери. Ее зовут Варя. Она живет в центре и давно ищет соседку. Ты с ней созвонись, и вы обо всем договоритесь. Сашка ее предупредит. Только не тьяни, Агния. Варя будет ждать твоего звонка...

Первый шок накрыл уже в парадной. Я надолго зависла перед широкой лестницей, разглядывая красивую лепнину на стене, позолоту и кружевные перила. Особенно меня впечатлили барельефы с прекрасными нимфами, подпирающими потолок. Выглядели эти нимфы очень печально и обреченно, будто их заставляли заниматься этим тяжелым неженским делом почти полтора столетия. Стены явно недавно были выкрашены небесно-голубой краской. Даже запах до сих пор не выветрился. На подоконниках с витражными окнами стояло кашпо с цветами.

Откуда-то сверху раздавалась мелодичная музыка. Кто-то громко, задорно и весело играл на фортепиано. Желтые полосы света растянулись на ступенях. До этого я такие красивые парадные только на картинках видела. Неужели теперь буду здесь жить? Тут же вспомнила подъезд папиного дома с окурками в углах и заваренным мусоропроводом. Да, может, это даже хорошо, что Татьяна и отец «решили», что я уже взрослая, и отселили меня. Осталось разобраться с хозяйкой квартиры — таинственной Варей. Дружбу с девочками у меня водить никогда не получалось. Зимой мне очень хотелось сблизиться с одной девушкой — второкурсницей Вероникой, моим репетитором. Но у нее уже была верная боевая подруга Юлька, поэтому я чувствовала себя рядом с ними пятым колесом. Да и вообще, там такая история получилась... Некрасивая, но очень поучительная, последствия которой я до сих пор расхлебываю¹. Надеюсь, мы не будем конфликтовать с Варей — и на том спасибо. Уж держать нейтралитет мне ума хватит.

Минувя сразу пару ступеней и нарочно наступая на солнечные полосы, я поднялась на самый верхний этаж. Пока разглядывала деревянные широкие двери с номерами квартир, заметила на стене нарисованное синей ручкой созвездие. Я не сильна в астрономии, но, кажется, это Большая Мед-

¹ Подробнее об этом можно прочесть в книге «Любовь не по сценарию».

ведица. Обидно. В парадной только сделали ремонт, и уже какой-то хулиган успел отметить. Хотя рисунок меня этот даже немного умилил. В парадной отца на нашем этаже тоже были надписи, правда, не такие... Сплошные обзывательства и строчки из песен Моргенштерна.

Я замерла у двери и прислушалась. Фортепиано теперь звучало этажом ниже, а так тихо. Интересно, эта Варя хотя бы дома? Может, она необязательная — назначила встречу, а сама свинтила. Я нажала на кнопку звонка. Тут же раздалась веселая трель, а за дверью послышался громкий лай. Я поморщилась. Нет, у меня не было аллергии на шерсть и каких-то предрасположений против собак, но если этот питомец будет заливаться так днем и ночью, придется мне искать себе другую соседку.

Дверь приоткрылась, и тут же под ноги бросился белый пес. Небольшого размера, с забавной бородой. Он принялся обнюхивать мои туфли и щекотать голые щиколотки.

— Харви! Харви, фу! — послышался звонкий женский голос. Вскоре показалась и сама Варя. Точнее, ее голова — белокурая, с вихрем кудряшек. — Харви! Фу! Вот несносный!

Варя выскочила на площадку и резко наклонилась за своим питомцем. Ее мягкие легкие кудряшки взметнулись вверх. Вот она взяла пса на руки, словно ребенка, выпрямилась и сдула с лица упавшую прядь волос. Немного бесцеремонно осмотрела меня с ног до головы и улыбнулась:

— Ты Агния, да? Приветик!

— Здравствуй, — сдержанно отозвалась я, осматривая ее в ответ. Сильно старалась не пялиться, хотя, конечно, было любопытно. Зеленые глаза, милая родинка на щеке, аккуратный нос и пухлые губы. Варя оказалась очень даже хорошенькой.

Одета она была в легкий светлый сарафанчик. На ногах — тапки в виде лица Гомера Симпсона. Огромные и уродливые, которые портили весь вид. Я бы такие сроду не надела.

— Какая ты красивая! — вполне искренне ахнула Варя.

Я от неожиданности растерялась. Нет, комплименты получать всегда приятно, но вот так... с порога...

— Спасибо, — отозвалась я, все-таки ей улыбнувшись, — ты тоже.

И ведь это чистая правда. Девчонке бы моделью подрабатывать, есть все данные. Такая запоминающаяся и яркая внешность.

— Спасибо! — весело отозвалась Варя. Потом переложила своего пса в одну руку, а вторую, освободившуюся, протянула мне. — Ой, что же это я? Варвара! Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, — ответила я на крепкое рукопожатие.

Варя так активно трясла мою руку, что я снова растерялась. Ясно одно — непосредственности этой особе не занимать.

— А это Харви, — представила Варя своего питомца, который притих у нее на руках. Только хвост по-прежнему приветливо двигался из стороны в сторону.

— Что это за порода? — скорее из вежливости спросила я. К собакам я относилась спокойно, без фанатизма.

— Вест-хайленд-уайт-терьер, — с гордостью ответила Варя. — А Харви я его назвала в честь Харви Спектра. Ты смотрела «Форс-мажоров»?

— Это фильм?

— Сериал.

— Не смотрю сериалы, — сказала я.

Варя посмотрела на меня как на умалишенную. Потом подошла к перилам и глянула вниз. У кого-то из соседей по-прежнему брэнчало фортепиано. Тогда Варя поморщилась.

— Ой, а что мы на площадке стоим? — спохватилась она. — Проходи в квартиру. Все тебе покажу.

— Красиво играет, — сказала я между делом, проходя в светлый коридор.

— Достал, если честно. Это Жора. Чокнутый один. У него в репертуаре пара мелодий, их и играет. Другие не умеет. Скоро тебе это тоже надоест.

Коридор оказался не только светлым, но и очень просторным. Высота потолков впечатляла. И я даже не ожидала, что внутри квартира Вари окажется такой современной. Думала, здесь будет что-то в духе «бабкиного ремонта» со старыми деревянными комодами, тусклым желтым освещением, коврами на стенах и старой лепниной. Но все оказалось совсем не

так. Видно, что к ремонту приложила руку молоденькая девушка. Я даже немного расстроилась. После нарядной парадной обстановка в квартире показалась мне неподходящей — слишком обычной. Возможно, разочарование отразилось на моем лице, потому как Варя сказала:

— Не беспокойся, старинные вещички здесь тоже есть.

Я удивилась: она будто мои мысли прочитала. Неужели я такая предсказуемая?

— Антикварный дубовый секретер, зеркало в позолоченной раме, фортепиано... Оно, наверное, бонусом здесь в каждую квартиру идет. Только я на нем играть не умею. Ты умеешь?

Я покачала головой.

— Хоть Жору зови, — мрачно пошутила Варя. — Я научилась играть «Собачий вальс», немножко «Лунную сонату» и Share of My Heart Стинга. Из азов, так сказать. Практически как сосед снизу. Представляю, если мы как-нибудь баттл устроим с Жориком на музыкальных инструментах. Соседи нас, наверное, вместе с двумя роялями из окна выкинут.

Я сдержанно улыбнулась.

Варя, держа на руках Харви, продолжила:

— В квартире оставили старый паркет, кое-что из мебели, люстру, окна и даже печь. Я только трубы поменяла. И мебель свою перевезла из старой квартиры. Тут уж простите, что было.

Я молча слушала ее. Варя так завелась, будто я ее в чем-то обвиняла.

— А самое главное знаешь что?

— Что?

— Пойдем в мою комнату.

Варя наконец спустила Харви на пол, и пес, стуча когтями по паркету, первым направился в комнату, будто это его пригласили.

Я проследовала за Варей. Комната ее оказалась огромной и такой же светлой. Над окном висел серебристый диско-шар, пускающий по стенам солнечных зайчиков. На столе — куча бумаг, карандашей, выкроек и пара одинаковых фикусов. И одежда. Много одежды — в основном яркой, с блестящими пайетками. Горы шмоток отчетливо выделялись на фоне белых стен

и светлой мебели. Одежда лежала на стульях и на кровати, висела на напольных вешалках... Удивительно, но при этом у меня совсем не складывалось впечатление, что в комнате царит страшный бардак. Было чисто, не пыльно и очень уютно. Я так засмотрелась на многочисленные вещи, что даже не сразу заметила главное — то, из-за чего Варя пригласила меня в свою комнату. Отсюда можно было выйти сразу на крышу. Варя быстро распахнула старые створки и забралась с ногами на подоконник.

— Прошу! — прокряхтела она, первой выбираясь наружу. Я немного растерялась. Потом все-таки проследовала за Варей. Залезла на широкий подоконник и вышла следом за новоиспеченной соседкой. Скулящий Харви остался в квартире.

Жестяная крыша была нагрета утренним солнцем. Отсюда открывался вид на шумный суетящийся проспект и блестящие крыши. Внизу гудели машины и спешили прохожие. Варя осматривала город таким замороженным взглядом, будто это она, а не я, здесь впервые. Я, конечно, впечатлилась. В такой атмосфере даже говорить особо не хотелось. Но, видимо, молчание — не в репертуаре Варвары.

— Круто, правда? — быстро спросила она.

— Угу, — пробормотала я.

— Супер! Будем здесь ужины в хорошую погоду устраивать. Вино пить, светские беседы вести... Агния, как тебя здесь не хватало!

Последнюю фразу она произнесла так восторженно, что я удивленно подняла на нее глаза. Мы виделись впервые в жизни, и такое признание казалось мне неуместным. Но это мне — вечно настороженной и ожидающей от всех подвоха. Но Варя выражала свои эмоции вполне искренне. Тогда я не сдержалась и снова улыбнулась.

— Только у тебя не такая шикарная комната, прости, — с сожалением сказала Варя.

— Да ничего страшного, — немного смутилась я.

Ради собственного выхода на крышу я была готова ночевать в коридорчике рядом с Харви. Я, кстати, не заметила специального места для собаки. Скорее всего, пес жил в одной комнате со своей хозяйкой.

— В той комнате места намного меньше. И окна выходят во двор. И, конечно, есть еще один существенный минус, который мне очень мешает жить, — туманно продолжила Варя.

Даже интересно стало, что это за минус такой. Надеюсь, не крысы, клопы или тараканы...

— Любопытно, — откликнулась я вполне искренне.

— Тогда пойдем! — Варя, придерживая край сарафана, первой полезла обратно в комнату. — Покажу тебе твои апартаменты.

Моя новая комната оказалась такой же светлой, как и остальная квартира, только узкой. Очень узкой. Никогда не видела таких странных комнат. В углу — уцелевшая печь. Как сообщила Варя, вполне рабочая. Но использовать ее для обогрева я не собиралась. Печь здесь являлась атрибутом прошлого, необычным декоративным элементом... Конечно, с ней в комнате было намного атмосферней. Помимо печи в комнате был узкий диванчик, рядом небольшой платяной шкаф и крошечный столик для ноутбука. Я обернулась и растерянно посмотрела на Варю. Та виновато пожала плечами.

— В тесноте, да не в обиде, — сказала она.

— Твоя правда, — отозвалась я.

Мне точно не хотелось возвращаться в квартиру папы и Татьяны, где я постоянно чувствовала себя на птичьих правах... Подошла к платяному шкафу и распахнула дверцы. Тут же вспомнила свою комнату в доме отчима и мамы. Там у меня была гардеробная в три раза больше, чем эта комнатка. Варя снова словно прочитала мои мысли и выдала:

— Понятия не имею, куда здесь одежду складывать. У тебя ведь наверняка много вещей?

Я пожала плечами. В Питер я взяла только самое необходимое. Остальное мама обещала потом выслать по мере необходимости. Я очень надеялась, что мама, как мы и договаривались, уже съехала от отчима на съемную квартиру. Все-таки перед моим отъездом она была серьезно настроена на развод. Наша с ней многочисленная одежда, накопленная годами, осталась в особняке отчима. Там же были мои спортивные

кубки, картины, коллекция парфюма... Все это теперь находилось под крышей совершенно чужого мужчины, который должен был стать моим отцом, но в итоге превратился в ночной кошмар. Я боялась, что мама может дать заднюю и вернуться к отчиму после того, как я выяснила, что он живет на две семьи. Вряд ли она соскучится по мужу, но по нашему дому, привычным благам и образу жизни — вполне возможно. Сколько ее сил и любви было вложено в дом! Как тщательно мама продумывала каждую деталь интерьера! Конечно, не только плохое происходило в том доме. Я попыталась вспомнить что-нибудь хорошее, но в голову, как назло, ничего не приходило. Все-таки большую часть времени я чувствовала себя там несчастной.

Затянувшееся молчание Варя восприняла по-своему.

— Если тебе нужно дополнительное место, можешь что-то повесить в мой шкаф.

Я вспомнила про разбросанные вещи Вари в ее комнате, и почему-то мне стало весело. Там и без моей одежды шкафы ломаются.

— Не беспокойся, все хорошо, — отозвалась я.

— Нет, правда! И в коридоре место есть. Там одна кладовка. Агния. Точно! Мы из нее и сделаем гардеробную. — Глаза Вари тут же загорелись. — Меня бесит, что шмоткам места не хватает. Только надо кладовку эту разобрать — у меня руки не доходили. Там хлам всякий от прежних квартиросъемщиков. А вдруг клад какой-нибудь найдем?

— Какой еще клад? — рассмеялась я.

На красивом лице Вари тут же появилась счастливая располагающая улыбка. Она так загорелась идеей разобрать кладовку и найти старинные сокровища... Забавная она, конечно.

Варя быстро оглядела мой прикид и вздохнула:

— Но если и туда все не влезет... Слушай, а у тебя дорогие шмотки. Я знаю, сколько этот пиджачок стоит. И туфли тоже. Ты бы обувь повыше убирала, а то Харви сожрет.

Харви в это время прогуливался по комнате и обнюхивал каждый угол, будто был здесь впервые.

Варя подошла к окну и открыла створки. Тут же в комнату ворвался свежий утренний воздух. Окна выходили на другой

дом и располагались в такой близости к соседям, что я тут же подумала о шторах. Их здесь явно не хватает. И снова до нас донеслась ритмичная мелодия. Действительно, та же самая, которую я слышала в парадной. Видимо, неизвестный мне Жорик в такую погоду тоже распахнул окна, и теперь его музыка разносилась по всему двору.

— А где же наше фортепиано? — спросила я у Вари.

И сама удивилась, как быстро произнесла это слово — «наше». Будто я жила здесь уже целую вечность и эта квартира была и моей тоже. Наверное, потому, что Варя сразу к себе располагала. И она, кстати, никак не отреагировала на слово «наше». Просто кивнула куда-то в сторону.

— На кухне стоит. Оно туда не совсем вписывается, конечно, но в этом есть какой-то шарм.

Я улыбнулась. Да, наверное... Меня куда больше занимали мысли о выходе на крышу. Я уже представила, как могу вытаскивать туда мольберт и рисовать вечерний город. Любоваться позолотой закатного неба и льющимся светом фар внизу... Да, это место определено было очень вдохновляющим.

Варя задумчиво смотрела из окна в одну точку, скрестив руки на груди и даже слегка нахмурившись. Впервые за время нашего знакомства я увидела ее такой серьезной. Потом она словно встрепенулась и сказала:

— Пойдем остальное покажу. Кухню, ванную, туалет... В общем, экскурсия продолжается.

Я поплелась за Варей, попутно еще раз оглядев свое новое пристанище. О каком подвохе говорила моя соседка? Комната как комната, не считая ее размеров, конечно. Наверное, именно скромный метраж Варя и имела в виду.

Мы прошли на кухню. Огромная, с кирпичными стенами, белым минималистичным гарнитурчиком и деревянным круглым столом посередине. На столе — синяя скатерть в клеточку. В углу — то самое фортепиано, на котором никто не умел играть. На подоконнике стояла ваза с букетом белых пионов.

Окна кухни, как и в маленькой комнате, выходили во двор. Здесь было непередаваемо уютно. Обстановка располагала.

— Садись, — пригласила Варя.

Я тут же послушно уселась. Варя полезла в один из кухонных шкафчиков и достала сырны чипсы «Лейс». Распечатала пачку и положила передо мной. Я удивленно на нее посмотрела.

— У тебя, кстати, как с готовкой? — спросила Варя.

— Да особо никак, — честно ответила я.

Мне не приходилось готовить дома. У папы нас кормила Татьяна. Готовила она много, но все какое-то не очень вкусное — постное, несоленое. Говорила, что это здоровая пища, но, по-моему, здоровая пища должна хотя бы выглядеть аппетитно. Меня еда Татьяны не вдохновляла. Алик тоже обычно морщился и вместо ужина забегал в «Бургер Кинг» за углом. Один только папа ел все, что дают, да еще отвешивал Татьяне комплименты.

— У меня пока тоже никак, — вздохнула Варя, — честно говоря, надеялась, что моя новая соседка будет уметь готовить. Но нет так нет. Можем роллы заказать.

— Угу.

Варя молчала ровно секунду, а потом снова загорелась. У меня сложилось впечатление, что она вообще не может без своих озарений. У нее не голова, а Дом Советов.

— Слушай, а давай вместе будем учиться готовить, а? Можем даже какие-нибудь соревнования замутить, кто лучше. Приз какой-нибудь обозначить... Например, в конце месяца — бутылку дорогого игристого.

— Я не пью, — сказала я.

— А что? Болеешь?

Я рассмеялась.

— Почему сразу болею? Просто не люблю. Ты знаешь, сколько калорий в алкоголе?

— А здесь сколько калорий? — разочарованно спросила Варя, кивнув на пачку с чипсами.

— И здесь достаточно, — ответила я, — это вообще гадость.

Варя обреченно махнула рукой и потянулась к чипсам. Она так аппетитно хрустела, что я не удержалась и придвинула к себе пачку. Так мы и уплетали сырны чипсы

вдвоем. Харви сидел у наших ног и жалобным взглядом поочередно гипнотизировал. Окна на кухне были открыты, и короткие занавески на огромных окнах то взлетали, то медленно опускались. А Жорик по-прежнему играл на фортепиано.

В детстве мне никогда не разрешали есть чипсы. И шоколад тоже. Бутерброды, фастфуд, сдобные булочки были под строгим запретом.

— А каким спортом ты занималась? — спросила Варя, подперев голову рукой.

— Фигурным катанием. Я успела получить звание «Мастер спорта». А потом получила травму, и пришлось все бросить.

— Да? Ох, как жалко. Папа сказал, ты в Академию художеств поступать собираешься. Хорошо рисуешь?

— Надеюсь, — смутилась я. Когда дело касалось картин, я сразу закрывалась еще больше. Мне по-прежнему не верилось, что я решилась на этот шаг — бросила учебу на экономическом в своем городе, сбежала из дома и отправилась в чужой город вслед за мечтой.

— Какая ты разносторонняя, Агния! — восхищенно проговорила Варя.

— А ты на кого учишься? — спросила я. Варя знала обо мне хоть что-то. Я же о ней — совсем ничего.

— Дизайн костюма и аксессуаров, второй курс, — с готовностью ответила Варя. — У нас группа классная. Дружная.

Мне было немного страшно говорить на эту тему. Какая группа будет у меня? В университете я так и не смогла ни с кем подружиться. Да и в школе не особо общалась с одноклассниками. Варя, уже в который раз прочитав мои мысли (экстрасенс она, что ли?), ободряюще улыбнулась.

— Не волнуйся! Все будет круто. Поступишь и друзей найдешь, — пообещала она.

Я улыбнулась ей в ответ. Славная она все-таки. И квартира чудесная... Но уже спустя несколько секунд улыбка резко исчезла с моего лица, и Варя тоже перестала радоваться. Настороженно посмотрела в ответ.

— Не двигайся, — предупредила я.

Самая белая ночь

— А что такое? — перепугалась Варя, все-таки замерев.
Сквозняк развеивал ее светлые кудряшки.

— Ты под прицелом.

— Чего-чего?

У Вари на лбу красовалась красная точка. Будто снайпер навел на нее свой прицел и вот-вот спустит курок.

Глава вторая

Варя

Агния так удивленно рассматривала мое лицо, что я сама не на шутку переволновалась.

— Да что там такое? Почему ты не отвечаешь? — рассердилась я.

— Просто у тебя на лбу лазерная указка, — наконец ответила Агния.

— Лазерная указка? — ахнула я. И, конечно, сразу сообразила, что она имеет в виду. Рассердившись, схватилась за лоб, будто могла согнать с себя «прицел».

— Теперь она на твоей руке, — отозвалась Агния. — Что происходит?

Я резко вскочила со стула, едва не опрокинув его. Харви, перепугавшись, забрался под стол.

— Достал! — рявкнула я. — Сколько можно над нами издеваться?

Агния удивленно следила за мной. Я подбежала к окну и забралась на подоконник. Чуть вазу с пионами не уронила. Из-за сквозняка юбка ходила ходуном, поэтому пришлось ее придерживать.

Так и есть! В доме напротив на подоконнике сидел довольный Кушнер с лазерной указкой в руках.

— Назар! — закричала я. — Как же ты надоел уже!

Этот гад в ответ только как ни в чем не бывало помахал мне в знак приветствия, продолжая светить указкой в глаза.

Я показала ему средний палец и отвернулась. Слезла с подоконника и в сердцах закрыла окно.

— И что это было? — удивленно спросила Агния.

— А это тот самый неприятный момент, который есть на этой стороне квартиры, — проворчала я. — Назар Кушнер из дома напротив. Со мной в одном универе учится. Мы с ним в контрактах с первого курса. Наглый, самодовольный, хамоватый... И шутки у него дурацкие. Он, когда курить выходит, этой указкой балуется. Сначала Харви до бешенства доводил, а теперь и за меня взялся.

Я не могла успокоиться. Назар умел вывести меня из равновесия. Пока я пыхтела, как закипевший чайник, Агния с нескрываемым интересом следила за мной.

— Он тебе нравится? — вдруг спросила она.

— Чего-о? — задохнулась я от возмущения. — Нет, конечно! Я его ненавижу.

— Как же получилось, что вы стали соседями?

— Это чистая случайность, — проворчала я. — Когда выбирала квартиру, понятия не имела, что это чудовище живет поблизости.

— Понятно, — кивнула Агния, загадочно улыбнувшись.

Я снова подумала, что она очень красивая. Вот улыбается только редко. Но это в сравнении со мной, наверное.

Мне не хотелось обсуждать Назара, потому что вид у Агнии стал каким-то ехидным. Как она могла подумать, что этот жук навозный может меня привлекать? Я поспешно перевела тему разговора:

— Ты без вещей?

— Я пока так... присмотреться, — ответила Агния. — Понравится ли мне здесь и вообще...

— И как? Понравилось? — спросила я с замиранием сердца. Мне хотелось, чтобы Агния осталась. До этого ко мне уже приходили две девушки, но с первой мы явно были не на одной волне, она оказалась мрачной и помешанной на эзотерике; а вторая прихватила с собой здорового жирного кота — агрессивного, как бешеная собака. Этот кошак чуть глаза Харви не выцарапал. А я ведь предупреждала в объявлении, что ищу соседку по квартире без домашних животных...

— У тебя чудесно, — ответила Агния. Прозвучало это вполне искренне, и я широко улыбнулась.

И все-таки пришлось вернуться к Назару.

— Слушай, шторы обязательно нужны, — сказала я. — Не удивлюсь, если этот извращенец по вечерам пялиться в окно будет. И вообще, надо немного ту комнату в порядок привести. Ой, а давай вместе? — пришла мне в голову идея. — Прямо сейчас.

Мама часто твердит, что я бываю слишком напористой и навязчивой. Но мне так захотелось подружиться с Агнией... Но уборка — не самый приятный предлог.

— Пыль протрем, подоконники помоем, — продолжила я с энтузиазмом. — Правда, ты нарядно одета, но я дам тебе что-нибудь свое.

Я прикинула: мы с Агнией примерно одной комплекции, только ростом она пониже. Новая соседка отнеслась к моей идее заниматься домашними делами без энтузиазма, но тут ей на телефон пришло сообщение. Она прочитала его и заметно помрачнела.

— Какие-то неприятности? — спросила я.

— Отец пишет. Предлагает сейчас встретиться с ним и его семьей, всем вместе пообедать. Вроде как прощальный обед, потому что я съезжаю.

— А-а-а, — немного разочарованно протянула я, — у тебя планы. Значит, на сегодня уборка отменяется. Ну, ничего, я сама подготовлю комнату к твоему переезду. А то как-то негостеприимно с моей стороны тебя напрягать...

— Наоборот, — перебила меня вдруг Агния, — у меня никаких планов. Показывай, где у тебя тазики, тряпки и что нам еще нужно для уборки.

Я, конечно, слегка обалдела. Не думала, что Агния предпочтет встрече с семьей генеральную уборку, но обрадовалась.

— Пойдем переоденемся, — потянула я ее за руку, — дам тебе домашние шорты и майку. Все чистое. Ой, ты, наверное, голодная? Можем еще пиццу заказать. Только мне до вечера успеть надо, у нас в универе отчетный концерт... Ректор будет с торжественной речью выступать. Потом танцы, банкет... Ты сможешь мне собраться?..

— Варя, ты всегда так много болтаешь? — спросила Агния, негромко рассмеявшись.

Я снова растерялась.

— Ой, не знаю. Наверное. Не замечала, — засмеялась я в ответ.

Переодевшись, мы взялись за работу. Постепенно Агния расслабилась и стала более открытой. За разговорами время летело незаметно. Мы разобрали половину кладовки. Обнаружили в ней еще одно старинное красивое зеркало, которое Агния тут же забрала к себе в комнату. Протерли батарею, плинтусы, пол... Жора вдруг заиграл какую-то новую быструю мелодию, и мы с Агнией, удивленно переглянувшись, рассмеялись.

Пока Агния мыла окна, я, забравшись на стремянку, протирала пыль на плафонах бронзовой люстры. Она была красивой, тяжелой и отлично подходила к новому зеркалу.

— Вот это красота! — то и дело восторгалась я. Комната оживала на глазах. Мы перетасили пионы с кухни и поставили их на небольшой столик. Здесь было больше света.

Я напевала себе песню под нос, когда Агния, стоя на подоконнике, вдруг сказала:

— Из парадной дома напротив вышел парень, и он пялится на меня.

— Какой еще парень? — быстро спросила я.

— Светленький такой, высокий, — начала описывать Агния, — стрижка короткая, прикид ничего такой... Это и есть твой Кушнер?

Я молнией спустилась со стремянки, едва с нее не навернувшись, и тоже выглянула в окно.

Конечно, это был Назар. Стоял под нашими окнами и, щурясь от солнца, нагло разглядывал Агнию. А она так стояла во весь рост — босая, с грязной тряпкой в руках — и с интересом рассматривала Кушнера в ответ. Мутные капли струйками стекали по стройным ногам. Назар и Агния замерли друг напротив друга, как самец и самка в брачный период в дикой природе. Я рассердилась сама не знаю почему. Наверное, все еще злилась из-за глупого розыгрыша с лазерной указкой.

Тогда я высунулась из окна, пытаясь заслонить собой Агнию. Еще немного — и с подоконника бы нечаянно ее столкнула.

— Чего надо? — не слишком вежливо крикнула я Назару. Двор был пуст, только воробьи весело чирикали на карнизе. — Что вылупился?

— У нас новая соседка? — громко поинтересовался Назар.

— У меня новая соседка, — поправила я. — А ты шлепай, куда шлепал.

— Познакомишь? — все так же нагло щурясь, спросил Кушнер.

Агния продолжала стоять на подоконнике и переводить растерянный взгляд с Назара на меня.

— Отвали! — грубо ответила я, злясь все сильнее.

— Мечетина, ты не могла бы голову немного в сторонку наклонить! — продолжил выводить меня из себя Назар. — Из-за твоей пышной шевелюры я ноги прекрасной соседки не вижу.

— Вот нахал! — возмущенно сказала Агния.

— Не представляешь себе какой, — подняв голову и посмотрев на нее снизу вверх, проворчала я. — Ничего, сейчас он рассмотрит тебя как следует.

— Ты о чем? — удивилась Агния, собираясь слезть с подоконника. Но я тут же схватила ее за тонкую щиколотку.

— погоди секунду, — попросила я.

Назар между тем достал сигареты и зажигалку. Прикурил. Но уходить, похоже, не собирался.

— Так ты подойди поближе, разглядишь, — сказала я уже немного вежливее. Подперла голову руками и доброжелательно захлопала глазами.

— Правда, что ли? — удивился Назар. Вот идиот.

— Конечно! — заверила я.

— Слушайте, я вам не девица в витрине на улице Красных фонарей, — начала сердиться Агния.

Но я только зашипела на нее:

— Шшш!

А потом снова повернулась к Кушнеру и улыбнулась:

— Не только же на меня тебе пялиться.

— Да, у тебя я уже все видел, — заявил Назар.

Я вспыхнула. Ну что за гаденыш?

Назар направился к нам. Когда он подошел ближе, я быстро перевернула таз с грязной вспененной водой, и его содер-

жимое вылилось на соседа. Если бы у Кушнера была реакция похуже, то он оказался бы облит с головы до ног. Но Назар успел отскочить в сторону. Однако вода попала на его модные белые кроссовки... и сигарета в руке погасла. Таз громко загромыхал, прокатился по двору пару метров и остановился.

— Мечетина, ты сдурела? — заорал Назар.

Жора даже на фортепиано перестал лабать. Повисла тишина. Лишь воробьи продолжили щебетать. Агния быстро слезла с подоконника и, перевесившись так же, как и я, озадаченно смотрела теперь вниз на Назара.

— Курить — здоровью вредить, — проворчала я.

— Чего? — сердился Назар. Поднял голову, и я увидела, что вода и на лицо ему попала. Со светлой челки стекала вода.

— Минздрав тебя предупреждал! — выкрикнула я, потянувшись к оконной створке. Агния быстро схватилась за другую, и мы синхронно закрыли окно.

— Ты сумасшедшая, — вынесла вердикт Агния. И я не смогла понять: с осуждением или восхищением она это произнесла.

— Есть немного, — скромно отозвалась я. — Когда Назар свалит, надо будет за тазиком спуститься, а то у меня второго нет.

Агния продолжала растерянно смотреть на меня. Да, мой поступок был детским. Но такая уж я — сначала сделаю, а потом думаю.

— И все-таки, когда будешь перевозить вещи, захвати с собой шторы от этого извращенца, — повторила я.

Агния продолжала задумчиво молчать.

— Ну что? Вот так и живем, — растерянно развела я руками. — Велком ту хоум.

* * *

Покончив с уборкой в комнате Агнии, мы заказали пиццу. Ели ее, сидя на крыше и вытянув голые ноги. Солнце ласково припекало. После обеда Агния засобиравалась домой, а я приглянулась наряжаться на отчетный концерт в универ.

— Поможешь мне? — снова попросила я.

Агния показала мне очень стильной. Такие девчонки шалят. Правда, стиль ее был очень далек от моего — уж больно сдержанный и строгий. Я же любила одеваться ярко и привлекать к себе внимание. Мама говорит, что у меня и без этого слишком запоминающаяся внешность, мне быть бы чуточку поскромнее. Но я обычно только отшучиваюсь. А чего скромничать? Жизнь одна, и взять от нее нужно по максимуму.

Агния немного задумалась над моим предложением, а потом все-таки кивнула:

— Давай посмотрим, что у тебя есть.

Мы направились к моему шкафу. Согнав Харви с кровати, я вытряхнула на нее кучу яркой одежды. Разноцветные пышные юбки из фатина взметнулись вверх, как радужное облачко.

— Сколько цвета и яркости! — ахнула Агния. — У меня аж в глазах зарябило.

— Привыкай, — усмехнулась я.

Вдвоем мы принялись перебирать мои многочисленные шмотки. В итоге Агния предложила надеть розовое платье с пышными рукавами-фонариками.

— А не скучновато? — усомнилась я. — Никаких аксессуаров?

Агния растерянно пожалала плечами.

— Если ты чувствуешь себя неуютно, то можешь добавить аксессуар.

Тогда я повязала сверху яркий зеленый воротничок. Но и этого мне показалось недостаточно. Я достала с верхней полки шкафа розовую шляпу с огромными полями.

— Вот так-то лучше, — довольно проговорила я, оглядывая себя в зеркале. Шляпа закрывала половину лица. Главное, чтобы ветер к вечеру не поднялся. — Это добавит мне таинственности.

— А по-моему, привлечет лишнее внимание, — возразила Агния.

Но спорить мы не стали — уже некогда.

Когда вышли из парадной, во дворе было пусто. В вылитой на Назара воде, образовавшей лужу, сидели голубь и парочка воробьев.

— Ну... Приятно было познакомиться, — сказала я. — Когда ты ко мне заедешь?

Возможно, я слишком напористый человек. Но такая уж родилась — мне не терпелось начать дружить. Всегда интересно узнавать новых людей. Надеюсь, Агнию моя настойчивость не слишком пугала. Как и в стиле, в жизни она казалась сдержанным и закрытым человеком.

— Соберу вещи и сразу к тебе, — тем не менее пообещала Агния. Судя по тому, что она отказалась от прощального обеда с семьей, родственниками Агния не слишком дорожила, и ей самой не терпелось начать самостоятельную жизнь.

— Отлично! — искренне обрадовалась я, поправляя шляпу.

Мы расстались недалеко от Овсянниковского сада, где я обычно гуляла с Харви. Тепло попрощались, и я двинулась в сторону шумного Невского. Широкий проспект был залит солнцем. Как обычно, много суеты и туристов. На Аничковом мосту активно зазывали на прогулку по рекам и каналам. Конечно, до универа можно доехать на общественном транспорте, но сегодня погода была очень уж хорошей, а времени на пешие прогулки у меня достаточно. Пройдусь! Мне нравилась суета, которая творилась в центре летом, и я ни на что ее не променяла бы. Гордо вышагивала и не могла сдерживать улыбку. Меня радовало абсолютно все: и солнечный Невский, и мой наряд, и новая соседка, и, конечно, шутка над Назаром. Как я сбила с него спесь... Не все же ему веселиться.

Конфликтовать мы начали практически с самого начала учебы, еще на первом курсе. Оба состояли в студенческом профкоме. Стычка произошла на организационном собрании, где мы не поделили обязанности по подготовке посвящения в студенты. Кушнер с самого начала много на себя брал и перетягивал одеяло. Слишком общительный, привлекающий внимание, «свой в доску». Почему-то все горели желанием с ним подружиться. Возможно, мы с Назаром были слишком похожи, чтобы сблизиться, поэтому и ругались без конца. Часто нам приходили в голову практически одинаковые идеи, но из вредности мы оба никогда не шли на компромиссы. Назару не нравилось ни одно мое предложение, а мне — ни одно его.

Поначалу Кушнер мне даже понравился — высокий, синеглазый, смазливый и одевается прикольно... Но чем больше

я его узнавала, тем отчетливее понимала, что Назар — настоящая заноза в заднице. Избалованный и привыкший к тому, что ему достается все желаемое. Наверное, поэтому мне и нравилось его обламывать и вставлять палки в колеса.

Мы разве что в компоты друг другу на переменах не плевали (надеюсь), а в остальном — настоящая война. С обидными подколами и спорами до хрипоты. Председатель профкома даже как-то предложил одному из нас снять свои полномочия и уйти в закат — настолько ему надоели наши ссоры на каждом собрании. Но мы с Назаром так и не договорились, кто это должен быть. Уступать никому не хотелось.

А уж когда я въехала в новую квартиру и обнаружила, что Кушнер — мой сосед, то меня чуть удар не хватил. Но деваться было некуда. Я уже внесла сумму за месяц и залог. Да и в квартиру я была влюблена. Она находилась в центре, и мне было удобно добираться до универа. А хозяйка — чистое золото. Разрешила поселиться вместе с Харви. И тогда я решила наплевать на Кушнера. Почему из-за этой мухи навозной я должна отказываться от комфортных условий? Однако соседство с Назаром оказалось тем еще «удовольствием». Мы постоянно сталкивались во дворе, а эти окна напротив... Да, Кушнер определенно умел вывести из себя.

Пока я, вся такая воодушевленная, доплелась до универа, народ уже занял весь актовый зал. Только на последних рядах нашлось несколько свободных местечек. Концерт был в самом разгаре. Третьекурсницы с факультета маркетинга отплясывали фламенко. Я заприметила одно свободное место в предпоследнем ряду и под испанские ритмы принялась пробираться к нему через переполненный зал.

— Извините, простите, простите, извините, — повторяла я, протискиваясь по ряду между спинками кресел и чужими коленками. Наконец добралась до места, уселась и выдохнула с облегчением. Вроде не особо опоздала. Конечно, пропустила начало концерта, но мне главное — прослушать речь ректора для доклада, а потом после выступления выловить профорга и помаячить перед ним: мол, я тут была. Ребята с нашего фа-

культета еще не выступали, а я должна была проконтролировать, чтобы все прошло гладко.

Следующим номером первокурсница с книгоиздательского дела выступала с какой-то лирической блюзовой песней. Лучше бы она не пела вовсе. Я аж испугалась! Девчонка завyla, как волк. В общем, после испанского фламенко начался настоящий испанский стыд. Я так переживала, как бы эту девчонку не освистали после выступления, что не сводила взгляда со сцены, пока кто-то сзади легонько не постучал мне по плечу.

Я обернулась и увидела недовольного Назара. Конечно, он уже высох и переоделся и теперь сидел в зале как новенький. Думаю, после сегодняшнего поступка Кушнер был готов убить меня. Я даже инстинктивно вжала голову в плечи.

— Шляпу сними, — сказал негромко Назар.

— Почему это? — не сразу поняла я. Неужели он тоже решил, что она не очень подходит к моему аутфиту? Да я так привыкла к шляпе, что вообще позабыла, что сегодня в ней.

— Я ничего не вижу из-за твоего сомбреро, — ответил Назар.

— А там нечего смотреть, — возразила я. Если б шляпу попросил снять кто-нибудь другой, я бы, конечно, быстренько это сделала. Но из-за Кушнера не стала из принципа. Тем более за моей спиной — целый пустой ряд. Нет, Назару, конечно же, нужно было усесться прямо за мной. — Ты просто слушай. Внимай.

В это время девчонка со сцены пошла вразнос. Так громко заголосила басом, что мы с Назаром одновременно поморщились.

— Тебе то волосы мои мешают разглядеть что-то, то шляпа. Может, дело не во мне, а ты уже к окулисту сходишь? — продолжила я.

— А ты, может, перестанешь носить такую шляпу, под которой, как в сказке про гриб, весь лес от дождя спрятаться может?

Я фыркнула и демонстративно отвернулась.

Девчонка, закончив одну песню, начала следующую... Боже, за что нам такие мучения? И мне бы ее самооценку, конечно.

— Мечетина, — не унимался Назар, — ты ответишь за то, что вылила на меня воду днем. Еще и опозорила перед красивой девшкой...

— Шшш, — прошипела я, не оборачиваясь. — Если сам не слушаешь, не мешай хотя бы мне наслаждаться, пожалуйста.

На сцене уже творилась какая-то вакханалия. Девчонка вдобавок к своему ужасному пению начала еще и как-то странно отплясывать.

Назар молчал. Когда первокурсница наконец закончила петь, я заплодировала. Кажется, одна в зале, да еще и нарочито громко. А потом обернулась к Кушнеру, но его на месте уже не было.

Тогда я и хлопать перестала. Весь оставшийся концерт почему-то как дура вертела головой, высматривая Назара, но он в зал так и не вернулся.

После концерта и разговора с профоргом вышла на улицу. Вокруг было полно студентов. Солнце спряталось за пышные белые облака, подул легкий ветерок. Придерживая шляпу, я неспешно направилась в сторону набережной. У курилки я заметила Назара с приятелями — ребятами из профкома. Во время концерта их точно не было в зале. А Кушнер вот снова попался на глаза. Не высматривала я его теперь специально — это он все время передо мной маячит, словно нарочно.

Проходя мимо, я услышала обрывки их разговора.

— И как концерт? — спросил у Назара один из приятелей.

Мы с Кушнером как раз в этот момент встретились взглядами. Назар громко ответил:

— Полная шляпа.

И этот нахал выразительно посмотрел на меня.

— Я и досматривать не стал, ушел.

— А это кто? Варя? — заметил меня другой его приятель — Даня Соколовский. С ним мы были в хороших отношениях.

— Незнайка с Луны свалился, — снова встрял Назар, видимо, думая, что это очень смешно. Покоя ему не давала моя шляпа с широкими полями.

Я притормозила и назло помахала одному Соколовскому.

— Привет, Данечка!

Соколовский, как-то странно взглянув на Назара, помахал в ответ. Я продолжила свой путь, а Кушнер выкрикнул мне в спину насмешливо:

— Мечетина, может, тебя подбросить до дома? Нам вроде в одну сторону.

Я, оглянувшись, покачала головой. Зная Назара, понимала, что за этим добрым жестом обязательно последует какая-нибудь подлянка. Я уж лучше снова пешочком или на автобусе. Погода-то отличная. Вечернее солнце выглядывало из-за облака, галдели прохожие, весело щебетали воробьи, а облитые теплым светом машины неслись от светофора до светофора... И никто, и ничто не могло вывести меня из себя. Даже Назар Кушнер.

* * *

Агния переехала ко мне уже на следующий день. Вдвоем мы до самого вечера разбирали коробки, развешивая ее красивые вещи. Дорогую обувь Агнии я убрала на освободившуюся полку в кладовку, подальше от Харви. Псу моя новая соседка сразу понравилась. Агния же с Харви была сдержанна, но пренебрежения своего не показывала. Он, скорее, ей больше нравился, чем нет.

Агния оказалась моей полной противоположностью: закрытая, молчаливая и холодная. Но этим она почему-то и привлекала. Мне нравилось находить интересных и непохожих на меня людей. Как плюс всегда притягивается к минусу... Может, поэтому и с Кушнером я не могу найти общий язык, потому что мы с ним слишком похожи? Не знаю. В любом случае о Назаре я старалась лишний раз не вспоминать.

Во время разбора коробок я узнала об Агнии не очень много, но пока мне было этого достаточно. Агния носила фамилию Леманн и раньше училась на экономическом, но ей не нравилось. Ее запихнул туда состоятельный отчим, якобы в их городе этот университет и эта специальность считались престижными. Отношения у Агнии с отчимом были плохими. И это мягко говоря. Между ними вспыхнула настоящая война. Агния даже развернула военные действия: наняла частного сыщика, который выяснил, что отчим изменяет матери Агнии. Теперь Агния надеется, что мама подаст на развод...

Всю жизнь Леманн ни в чем не нуждалась, но при этом жила как птица в золотой клетке. Она хотела вырваться на свободу и осуществить свою мечту — стать художницей. Любовь к рисованию ей привила мамина подруга Надя. Вот о ком Агния отзывалась с неподдельным теплом. Рисовать Агния начала, когда угодила в больницу с травмой. Леманн занималась фигурным катанием, а после несчастного случая спорт пришлось бросить. А мама у Агнии, кстати, тоже известная фигуристка — Светлана Леманн. Это прикольно. Я, помню, в детстве смотрела по телику ее выступления на соревнованиях.

Еще у Агнии наверняка была любовь... Большая, настоящая и, как я поняла, трагичная. По крайней мере, Агния сильно поменялась в лице, когда сказала, что сбежала от человека, который за короткий срок стал ей очень дорог. Леманн обидела этого парня, и теперь он ее, наверное, никогда не простит. Мне было жутко интересно узнать подробности, но эта тема была явно болезненной для Агнии, и расписывать ее в красках она не спешила. А я и не лезла с расспросами. Все-таки пока мы друг другу чужие. Придет время, появятся желание и доверие, и Агния мне все расскажет.

Агния Леманн оказалась отличной соседкой. Не шумела, всегда мыла за собой посуду, целыми днями торчала в своей комнате, что-то читала и много рисовала — готовилась к вступительным экзаменам. Прием документов начинался двадцатого июня, и Агния страшно волновалась. Каждый раз, когда разговор заходил о поступлении, ее лицо озарялось счастливой улыбкой. Агния горела, и мне было приятно на нее смотреть. Хорошо, если человек следует за своей мечтой. Я почему-то не сомневалась, что с таким рвением и желанием она обязательно поступит.

А еще Агния очень рано вставала. И придерживалась какого-то военного, чудовищного для меня режима. Наверное, это еще со времен фигурного катания у нее осталось... Я могла только позавидовать дисциплине соседки. Мне до такого, как до Китая пешком. Постепенно мы сами не заметили, как по утрам Агния начала выгуливать Харви. Конечно, он был